Светлана МАЛЫШЕВА,
кандидат исторических наук

ИСТОРИК С «ФИЛОСОФСКОГО» ПАРОХОДА

Серым сентябрьским утром 1922 года от Невской пристани Петрограда отошел немецкий пароход «Обер-бургомистр Хаген». Тот самый, впоследствии названный «философским», пароход: на его борту покидала страну первая «партия» высланных философов, историков, экономистов, журналистов — научная и культурная элита России.

После окончания гражданской войны новая власть успешно расправилась с остатками политической оппозиции: состоялись громкие процессы над эсерами, меньшевиками. Вскоре настал черед старой интеллигенции. Но прежний опыт тут не годился: суд над учеными с мировыми именами мог повлечь за собой большой скандал. Вот тогда-то и родилась «блестящая» мысль о высылке инакомыслящей и, стало быть, антисоветски настроенной, «реакционной» интеллигенции.

Еще в марте 1922 года в статье «О значении воинствующего материализма», критикуя взгляды П. А. Сорокина, В. И. Ленин сетовал: **«Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место»**, и тут же пообещал: **«Научится, была бы охота учиться»** (Полн. собр. соч., т. 45 с. 33).

15 мая, явно имея в виду предстоящие мероприятия по выдворению интеллигенции, Ленин при просмотре проекта вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР к пункту, предоставляющему ревтрибуналам право применения высшей меры наказания — расстрела, предусмотрительно предлагает добавить «право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)» (там же, с. 189). Шла работа и по подбору кандидатур для высылки. В марте, переправляя через управделами Совнаркома Н. П. Горбунова сборник статей философов Н. А. Бердяева, Я. М. Букшпана, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту, Ленин заметил: **«По-моему, это похоже на «литературное прикрытие белогвардейской организации»** (там же, т. 54, с. 198), а 19 мая секретно писал Ф. Э. Дзержинскому: **«К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.**

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг...

Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ» (там же, с. 265).

И вот сентябрь. На первом «философском» пароходе в Штеттин из России отправились 30 ученых и писателей с 40 домочадцами. Вероятно, на борту именно этого парохода покидали Родину казанский профессор Иринарх Аркадьевич Стратонов (1881—1942), его жена и двое детей.

Биография этого человека до того поворота в судьбе, который произошел в 1922 году, была обычной для провинциального интеллигента. Отец, Аркадий Дмитриевич, небогатый чиновник из дьяконских детей, недоучившийся семинарист, всю свою жизнь провел за канцелярским столом, дослужился до коллежского асессора. Выйдя в отставку, женился. Когда супруга, Серафима Ивановна, подарила первенца — Иринарха, Аркадию Дмитриевичу было уже за пятьдесят. Десять лет спустя он умер, оставив вдову с сыном в бедности. Иринарх окончил курс в 1-й Казанской гимназии в 1901 году и был принят на историко-филологический факультет Казанского университета. В октябре 1902-го явился к исполнению воинской повинности, был зачислен в ратники ополчения второго разряда (в мирное время они не проходили через армию, а получали «белые билеты»).

Учился студент Стратонов довольно успешно и в некоторых дисциплинах превзошел своих товарищей: его курсовое сочинение за 1904 год «Заметки по истории московских Земских соборов» по единогласному постановлению историко-филологического факультета печаталось с 1906 года в «Ученых записках» Казанского университета и издавалось отдельной брошюрой. Политикой молодой историк не интересовался. И студенческий инспектор, и казанский губернатор отзывались о нем, как о политически благонадежном человеке. После получения диплома 1 степени летом 1906-го Стратонов был оставлен в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по русской истории. Причем ходатайствовали его учитель — профессор Д. А. Корсаков, профессор Н. Н. Фирсов и приват-доцент М. М. Хвостов — историки, известные не только в Казани.

Стратонов избрал темой своих научных изысканий земскую реформу Ивана Грозного и подготовил работу, вызвавшую одобрение факультета. Однако уже с начала 1908 года его руководитель Корсаков выразил недовольство слишком большой увлеченностью Стратонова узкой темой и невниманием к «общим вопросам» российской истории. Год спустя на магистерском экзамене по русской истории он повторил свое замечание. А 7 мая 1910 года при обсуждении на заседании факультета прошения Стратонова о переносе очередного магистерского экзамена в связи с нервным расстройством претензии профессора Корсакова нашли выход в гневном выступлении. В порыве раздражения профессор даже каялся, что в свое время оценил «несоответственно высоко умственные способности Стратонова».

Причина этого конфликта, на наш взгляд, была двоякой. С одной стороны, шел естественный процесс углубления специализации молодых историков, пришедших на смену таким профессорам, как Фирсов и Корсаков. (Несколько лет спустя, в 1920 году в роли Корсакова выступит сам профессор Стратонов, раскритиковав пробную лекцию молодого историка С. А. Пионтковского и потребовав не допускать его даже к временному преподаванию в университете.). С другой стороны, недовольство Корсакова подогревалось поведением самого Стратонова. Человек, по-видимому, сложной психики, погруженный в свою тему, он должен был думать о хлебе насущном, содержать семью. Ведь еще студентом, в 1904 году он женился на Вере Дмитриевне Журиной, дочери тетюшского купца второй гильдии Д. И. Журина, и к 1910 году имел маленьких детей — дочь Лидию и сына Валентина.

В 1906 году в Казани после долгого перерыва были открыты Высшие

женские курсы. И Стратонов, не прекращая подготовки к профессорскому званию, принял приглашение преподавать русскую историю. Здесь он работал тринадцать лет, вплоть до закрытия в 1919-м, входил в совет курсов, был секретарем совета, членом попечительного комитета курсов, помощником директора, а в мае-ноябре 1911-го и октябре 1918 — августе 1919-го исполнял обязанности директора. Как бы то ни было, преподавание на курсах отнимало много времени от научных занятий.

Думаю, что научный конфликт с учителем не очень отразился на их личных взаимоотношениях, которые оставались добрыми вплоть до смерти профессора Корсакова в 1919 году.

После прочтения весной 1914-го двух обязательных пробных лекций магистр русской истории Стратонов был принят в число приват-доцентов, и ему поручили преподавание русской истории на историко-филологическом факультете Казанского университета.

Начавшаяся первая мировая война вторглась в жизнь ученого весьма необычно: она вынудила его поменять тему научных изысканий. Казалось бы, какое отношение мог иметь военный катаклизм к работе провинциального ученого на востоке России, увлеченно изучавшего земское самоуправление времен Екатерины II и ее законодательные акты и проекты по этим вопросам? Дело в том, что с 1 июля 1915 года Стратонов должен был отправиться в длительную двухгодичную научную командировку в столичные архивы Москвы и Петрограда. Но для работы в Государственном архиве в Петрограде, куда Стратонов стремился из-за черновиков проектов царицы, требовалось «высочайшее соизволение» императора, получение которого было задержано из-за событий военного времени. Стратонов отложил командировку на год, а в марте 1916-го решил сосредоточить свои научные интересы на изучении «Русской Правды». Так получилось, что к моменту поездки высочайшее соизволение было получено, и у Стратонова оказалось целых две темы для исследования.

Два года, полные военных тревог, революционных бурь и потрясений — с июля 1916-го по июль 1918-го — ученый провел в бурлящих российских столицах... над бумагами в тиши архивных хранилищ. Разумеется, архивные документы были не единственными его собеседниками в годы научной командировки. В столицах Стратонов общался с двумя учеными-казанцами, находившимися здесь с такими же целями — историком Н. П. Грацианским и филологом А. М. Селищевым. Оба были его младшими коллегами по университету, а с Селищевым связывала и совместная работа на казанских Высших женских курсах. У нас нет сведений о круге столичных знакомств Стратонова в среде писателей, философов, историков, журналистов. Косвенно о существовании их говорит сам факт высылки потом за границу. Однако со значительной долей уверенности можно сказать, что среди его знакомых был известный философ С. Л. Франк (если не с 1916—1918 гг., то с 1921 г., когда он преподавал в Московском университете) — один их самых крупных мыслителей среди высланных из России в 1922 году. Кстати, в мае 1918-го магистр философии Саратовского университета Франк получил степень доктора философии именно в Казанском университете.

Время, проведенное в столицах России, не только расширило круг знакомств Стратонова и пополнило его научный багаж. Есть основания думать, что, вернувшись в послереволюционную Казань, он был уже не тем сугубо кабинетным ученым, погруженным в созерцание истории XVIII века. Два года в революционных столицах совершили то, чего не мог добиться от Стратонова его вспыльчивый учитель, профессор Корсаков — они пробудили интерес к «общим вопросам» российской истории, привели к формированию общественной позиции, которая и повлияла в дальнейшем на его судьбу.

К сожалению, мы не имеем данных о том, в каком месяце 1918 года Стратонов вернулся в Казань. Но похоже, что это произошло уже после взятия города Красной Армией. За время отсутствия, 9 декабря 1917 года он был избран доцентом по кафедре русской истории. А декретом Совнаркома от 9 октября 1918-го переведен в состав профессоров. Вероятно, это должно свидетельствовать о лояльности, проявленной Стратоновым по отношению к Советской власти. Ведь часть профессуры Казанского университета таковой не обнаружила: например, историки Н. Н. Фирсов и М. В. Бречкевич выступили 21 августа 1918 года в однодневной казанской газете «Народная армия» с приветствиями действий Комуча и его армии. Некоторые казанские профессора ушли с этой армией и «осели» в Томском и Иркутском университетах... В начале 1919-го по предложе-

нию Главного управления архивным делом Стратонов был назначен уполномоченным в деле охраны и разборки архивов Казанской губернии.

В 1918—1922 годах ученый читал студентам историко-филологического факультета (а позже факультета общественных наук) курсы по истории образования сословий в России, об организации управления и самоуправления крестьян казенного ведомства в XVIII веке, по истории русского летописания и истории местного края и многие другие. В январе 1919-го он избирается деканом историко-филологического факультета. Правда, ненадолго. Прошло чуть больше месяца, и Стратонов категорически отказался баллотироваться вновь, хотя в августе 1920-го согласился стать заместителем декана.

Это были годы основательной встряски и ломки всей системы гуманитарного образования. 3 января 1919 года в Казани по предложению Наркомпроса был закрыт юридический факультет, а студентов его «приписали» к историко-филологическому, при котором создалось временное отделение общественных наук. А уже 10 октября на заседании коллегии отдела высших учебных заведений Наркомпроса было решено закрыть в Казанском университете историко-филологический факультет, факультет общественных наук, физико-математический, Казанские высшие историко-филологические (бывшие женские) курсы, Северо-Восточный археологический институт.

Ученая корпорация университета, естественно, выступила против этого решения, посылала в Москву своих и студенческих представителей. Историко-филологический и физико-математический факультеты на первых порах удалось отстоять. Однако уже весной 1921-го появляется постановление Совнаркома, подписанное Лениным и управляющим делами Горбуновым, «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов». В нем говорилось: «... Историко-филологические факультеты, а также исторические и филологические отделения факультетов общественных наук при российских университетах с 1 июня с. г. упраздняются». Но Стратонов не остался без работы: уже 12 августа социально-экономический отдел Главпрофобра утвердил его профессором факультета общественных наук.

Научная деятельность ученого продолжалась. Он участвовал в 1-м научном съезде в Самаре в сентябре 1920-го. Тогда же опубликовал работу «К вопросу о составе и происхождении краткой редакции «Русской Правды», подготовленную еще в 1916 году, посвятив ее «светлой памяти дорогого учителя» профессора Хвостова, умершего в Томске в феврале 1920 года. В мае-июне 1921-го Стратонов вновь изучает законодательные предположения по сельскому населению Екатерины II в архивах Москвы, Петрограда, Ярославля и Екатеринославля. К началу 20-х годов он подготовил к печати и опубликовал ряд трудов—«К вопросу о проекте жалованной грамоты крестьянскому населению, составленной Екатериной II, «Проект жалованной грамоты Екатерины II государственным крестьянам»,«Русская Правда» как памятник древнерусской письменности», «Новейшие течения в области изучения Начальной русской летописи», «Исходные моменты русской истории в изложении ак. А. А. Шахматова» и другие.

Эти годы были богаты на командировки. И не только научные. Ученый выступает как представитель и ходатай по делам университета. 28 марта 1922 года Стратонов, находившийся в Москве, был уполномочен общим собранием профессоров и преподавателей университета представлять его интересы на объединенном совещании представителей высших учебных заведений.

Казалось бы, сама жизнь Стратонова-ученого, погруженного в дела сугубо научные, или связанные с развитием высшей школы, говорила об отдаленности его от политики и в какой-то степени — о лояльности к новой власти. Так почему же он оказался в списке «писателей, профессоров, помогающих контрреволюции»? В данном случае трудно говорить что-либо определенное. В чем-то прав автор статьи «Философский пароход» С. Хоружий («Литературная газета», 1990, 9 мая), утверждающий, что в отборе кандидатов на высылку было немало случайностей.

Такое вовсе не исключалось. Но в примере с нашим героем вероятнее всего другое. На мой взгляд, роковую роль здесь сыграли несколько послереволюционных лет, которые Стратонов провел в длительных командировках в столицах, вращаясь в кругах тех философов, что потом назначали к высылке в первую очередь. Косвенно подтверждает это и такая деталь. На начало 20-х годов приходятся активные творческие поиски самобытной российской философии, возникает масса взаимодействующих между собой философских обществ: Вольная философская ассоциация (Вольфила) в Москве и Петрограде, которые, веро-

ятно, посещал и Стратонов, психологическое общество в Москве, Философское общество в Петрограде, а также подобные в провинции — Костроме, Саратове и других городах. Общество социологии и философии возникает в мае 1920 года и при Казанском университете. Активным членом его инициативной группы являлся не кто иной, как Стратонов. Вопросы бытия в такие тревожные годы неотвратимо приводили к размышлениям над вопросами политическими, что вызывало беспокойство у новой власти. И деятельность лидеров этих обществ прежде всего привлекала внимание охотников за кандидатами на высылку.

И еще одна загадка, о которой молчит бесстрастный документ под названием «Сведения о прохождении службы проф. И. А. Стратонова, составленные на основании документов, имеющихся в Государственном Казанском университете». Он подписан ректором и управделами правления Казанского университета в том недоброй памяти сентябре 1922 года. На документе, вернее — его копии, хранящейся в Госархиве Республики Татарстан, обращает на себя внимание надпись от руки, указывающая, для кого он был составлен: «Москва Ник. Александровичу Щербакову ул. Грановского, Шереметьев переул. д. 4. 1. Для передачи проф. А. М. Селищеву». Но зачем профессору Селищеву понадобился в сентябре 1922-го сей официальный документ? Выскажем несколько предположений. Маловероятное: через Селищева собиралось досье на высылку Стратонова. А маловероятно это по ряду причин. Во-первых, Селищев, будущий филолог с именем, был давним товарищем Стратонова, его коллегой по учебе и работе в университете, на Высших курсах. И у нас нет оснований бросать тень на имя этого человека. Во-вторых, досье собиралось, вероятно, не за несколько дней до высылки. А это наводит на другое предположение «сведения» были подготовлены для ходатайства за высылаемого Стратонова. Ученые Казанского университета пытались защитить коллегу. К данной версии склоняюсь больше.

Высылкой закончился казанский (и российский) период жизни Стратонова. Документы казанского архива о нем скудны, и, к сожалению, в них больше вопросов, чем ответов.

В эмиграции во Франции размышления Стратонова над «общими вопросами» русской истории привели к увлечению историей церкви, богословием. А в 1942 году староста патриарших приходов в Париже профессор Стратонов собирал деньги, одежду и лекарства для пленных соотечественников, за что был арестован гестапо и погиб в концлагере.

Так закончился земной путь скромного профессора русской истории из Казани — не гениального и не именитого, а просто одного из тех сотен и сотен российских интеллигентов — писателей, историков, философов, на которых стала беднее наша наука и культура.

* * *

Послесловие доктора исторических наук, профессора Алексея ЛИТВИНА.

Документы, хранящиеся в фонде Ленина в Москве, в бывшем центральном партийном архиве, в следственном деле И. А. Стратонова, материалы, характеризующие историю сопротивления фашистам во Франции, позволяют уточнить причины высылки профессора из Советской России и обстоятельства его гибели.

18 сентября 1922 года управляющий делами ВЧК Г. Г. Ягода (тот, что через десятилетие возглавил это учреждение и оставил о себе мрачную память) писал Ленину, что согласно его распоряжению посылает ему список высылаемых за границу ученых, писателей, врачей и кооператоров. Всего 69 человек. Первыми в нем значились трое ученых из Казанского университета: А. А. Овчинников, И. А. Стратонов, Г. Я. Трошин. Вместе с философами С. Л. Франком, Н. А. Бердяевым, Ф. А. Степуном, историком А. А. Кизеветтором и многими другими известными в мире учеными (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 1245, л. 2—3).

Овчинников с января 1921 года был ректором университета, Стратонов — профессором русской истории, а Трошин — деканом медицинского факультета, психиатором.

В 1921—1922 годах продолжалась реорганизация (тогда называлась — советизация) высшей школы, университеты лишались остатков былой автономии. Ученых раздражало падение престижа знаний и профессионализма, некомпетентное руководство, резкое ухудшение материального положения. Это усугублялось хозяйственной разрухой и голодом в Поволжье. Зарплата профессора составляла 20—25 процентов дореволюционной, выдавалась нерегулярно и часто была в 3—4 раза ниже зарплаты дворника. По стране прокатились профессорские забастовки. В январе 1922 года вслед за московскими выступили казанские профессора.

24 января Овчинников доложил Ученому Совету университета: Положение университета затруднительно. «Денежных средств за прошлый год для покрытия расходов совершенно не имеется. Задолженность университета по выдаче жалованья профессорам, преподавателям и другим лицам на 1 января простирается до трех миллиардов». Газета «Правда» 7 марта назвала выступление казанских профессоров антисоветским. И только за то, что они требовали улучшить свое положение, вернуть университету автономию, протестовали против равнодушия властей. На активистов стали собирать материалы...

Стратонов был арестован казанскими чекистами в августе 1922 года, Трошина арестовали дважды: в апреле и августе, допрашивался и Овчинников. Всем было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде и деятельности. Начальник Татотдела ГПУ И. Шварц в докладной записке Р. В. Менжинскому настаивал на их высылке. Вначале тот предложил прекратить следственные дела, но затем с представлением руководителя казанских чекистов согласился. Так с формулировкой: «за антисоветскую пропаганду и деятельность» Овчинников, Стратонов и Трошин оказались в списке ГПУ на высылку, представленном Ленину.

Стратонов жил в Берлине и Париже. В письме юбилейному комитету Казанского университета в 1929 году (университет готовился к 125-летию основания) сообщал о трех написанных книгах по истории российской церкви, изданных в 20-х годах в Париже.

Ко времени фашистской оккупации Франции Стратонов был старостой патриарших приходов в Париже. Приходы позже оказали помощь советским гражданам деньгами и одеждой, собрав для бежавших из плена и работавших на военных заводах более 200 тысяч франков.

Стратонов был арестован гестаповцами в марте 1942 года, обвинен в антифашистской деятельности. Его допрашивали в тюрьме Сантэ, в концлагере Компьен, затем сослали в концлагерь под Берлин, где он и погиб. В 1947 году издававшаяся в Париже газета «Советский патриот» (№ 97) опубликовала некрологи о погибших русских. В списке значатся активные участники французского движения сопротивления. Среди них Борис Вильде, Ариадна Скрябина, Иринарх Стратонов...